

DOI 10.32726/2411-3417-2022-1-21-25

УДК 94(47); 323/324; 327

Ладислав ЗЕМАНЕК

Российский всеобъемлющий суверенитет: Консервативная государственная парадигма

Аннотация. В статье анализируется современное понятие суверенитета, как оно закреплено в базовых нормативных документах Российской Федерации. Суверенитет как ключевая категория российской государственной парадигмы рассматривается в исторической перспективе с учетом своеобразного развития русской цивилизации и актуального международного контекста. Принцип суверенитета распространяется на все новые области, не ограничиваясь сферой международных отношений и приобретая всеобъемлющий характер. Анализ показывает, что современные реинтерпретации суверенитета в рамках доминирующей российской парадигмы имеют консервативные черты в плане модели внутренней организации государства и одновременно являются прогрессивными в плане внешнеполитической модели, которая направлена на демократизацию глобального порядка.

Ключевые слова: Россия, суверенитет, национальная безопасность, государство, модернизация, Запад, либерализм, консерватизм, Владимир Путин.

«Россия не может быть государством, если она не будет суверенной. Некоторые страны могут, Россия — нет», — эти слова были произнесены президентом Владимиром Путиным в его послании Федеральному собранию в 2019 г. [Послание Президента...]. Суверенитет — важнейшее понятие российской государственной парадигмы. Оно носит всеобъемлющий характер, не ограничиваясь сферой международной политики. Это понятие является аналогом феномена китайской «двойной циркуляции», «стратегической автономии» Евросоюза или политики «America First» Дональда Трампа. Все эти явления — симптомы трансформации глобального порядка в направлении к полицентрической, инклюзивной модели, воплощающей в себе сложную диалектику глобализации и деглобализации, интеграции и регионализации. Понятие всеобъемлющего суверенитета одновременно консервативно и прогрессивно, проникнуто традиционными ценностями, но направлено к демократизации мирового порядка.

Суверенитет и модернизация

Существующая система международных отношений и безопасности неравноправна и дискриминационна по отношению к альтернативным центрам власти [Указ Президента

Сведения об авторе: ЗЕМАНЕК Ладислав — доктор философии, Карлов Университет (Чехия), аналитик China-CEE Institute при Академии общественных наук КНР; zemanek.ml@gmail.com.

№ 640]. Принцип суверенитета закреплён в стратегических документах в самых разных сферах. Это относится не только к национальной безопасности, внешним отношениям или экономике, но также к энергетическому сектору, информационной безопасности или культурной политике. Поэтому его значение нельзя переоценить — суверенитет является квинтэссенцией современного российского государства и его парадигмы.

Концепцию суверенитета России можно интерпретировать как основанную на тройном принципе: стратегической автономии/независимости, стратегической стабильности и стратегического партнёрства. Эти категории определяют как внутреннюю, так и внешнюю модель существования государства. *Стратегия национальной безопасности*, которая является краеугольным камнем официальной государственной парадигмы, отражает традиции патримониализма и этатизма [см. Pipes, p. 24], обосновывая необходимость усиления власти государства целями социального развития и обеспечения. Такой подход предполагает решающую роль вертикали власти и её ответственность за удовлетворение интересов людей. Другая важная роль вертикали заключается в обеспечении защиты от внешнего вмешательства, что рассматривается в различных контекстах. Упор делается на угрозе со стороны иностранных разведок и других иностранных организаций, террористических, экстремистских и радикальных сил, подрывающих суверенитет, территориальную целостность, политическую и социальную стабильность или традиционные религиозные и моральные ценности России.

Стратегия национальной безопасности наглядно демонстрирует, что элиты считают сильное государство, его аппарат и институты решающими для поддержания суверенитета страны. Если внешнеэкономические санкции идентифицируются как риски, то качественное развитие национальной экономики квалифицируется как стратегический приоритет [Указ Президента № 683]. Этот факт ещё больше усиливает императивы независимости и самостоятельности.

Сильная роль государства в экономических процессах — лейтмотив российской истории [Tsygankov, p. 7]. Ни свободный рынок, ни веберовская протестантская этика не были характерны для российского общества. Напротив, в дореволюционную эпоху экономика воспринималась как вторичный социальный институт, всегда подчинённый либо религиозным принципам, либо политическим и социальным целям. Даже история российского социалистического и коммунистического движения полна примерами преклонения перед государством и его ролью, несмотря на марксистскую теорию экономического базиса и общественной надстройки. Коммунистическая партия победила не благодаря экономическим условиям — она победила благодаря своей политической воле, кредо и квазирелигиозному рвению. А советская эпоха ещё больше углубила укоренившееся недоверие к западной, либеральной интерпретации рыночных механизмов. Цивилизационная траектория России подтверждает наблюдения социального антрополога Криса Ханна, по мнению которого для евразийских обществ характерна «инклюзивная укорененность» (*inclusive embeddedness*), то есть подчиненность экономики более широким социальным целям и потребностям [Hann, p. 4].

Принципы государственного контроля над экономической деятельностью, приоритета политических целей, а также доминирующая роль государства в модернизации и реформах существовали в различных формах как в дореволюционной России, так и в Советском Союзе. Можно сделать вывод, что советский эксперимент радикализировал давние тенденции, переосмысливая их в модернистском стиле. Но существовала и другая точка зрения. Реформисты начала XX столетия Сергей Витте и Петр Столыпин начали путь к модели с более широким пространством для индивидуальных действий и рыночных механизмов. В постсоветской России этой линии придерживался Дмитрий Медведев. В период экономического кризиса в 2009 г. президент России сформулировал программу модернизации, в которой резко критиковал экономическую ситуацию, зависимость от экспорта сырья, низкую производительность труда и хрупкость демократических институтов, говоря о полусоветском обществе и все еще существующем принижении индивидуальных потребностей и интересов. Медведев дистанцировался от патернализма и исторических форм российской модернизации, связанных с Петром Великим и большевизмом. Новая программа заключалась в развитии российской демократии и создании новой постиндустриальной экономики [Россия, вперед!].

Программы трех упомянутых реформистов (Витте, Столыпин, Медведев) не отрекались от русских культурных особенностей или консервативных моральных ценностей, вытекающих из Православия и других традиционных религий России, но представляли собой более открытую, более либеральную модель модернизации, а также внешне-го поведения.

Нелиберальная парадигма

Стоит отметить, что и в начале XX в., и во втором десятилетии XXI в. этот реформистский поворот был прерван из-за внешних факторов — Первой мировой войны, к которой Российская империя присоединилась с крайней неохотой, и «цветной революции» на Украине в 2014 г., за которой последовали антироссийская кампания со стороны западных стран и разрушение взаимных отношений.

Владимир Путин акцентировал другие элементы, но его политика была совместима с реформистской программой модернизации. Ведь программа президента Путина также была направлена на интеграцию в мировую экономику, ускорение экономического роста, поступательное развитие национальной экономики, поддержку предпринимательства, совершенствование политической системы. Однако повестка дня постепенно все более смещалась в плоскость безопасности, и главной целью стала уже не некая «мягкая» вестернизация и построение Большой Европы, а защита суверенитета и российской своеобразности, углубление автономии во всех необходимых областях и евразийская интеграция, где это возможно. Модернизация, региональная и межрегиональная интеграция и суверенная открытость были не отброшены, но переработаны в связи с неблагоприятными внешними условиями и растущими раздорами во всем мире [Sakwa, p. 5–6].

После 2014 г. защита суверенитета сопровождалась акцентом на самостоятельности и развитии собственных систем, независимых от глобальных. Это касается платежной системы, межбанковской финансовой телекоммуникационной системы, спутниковой системы навигации, системы пятого поколения или Интернета. Стратегия национальной безопасности предусматривает необходимость продовольственного, энергетического и технологического суверенитета (посредством рационального импортозамещения или снижения зависимости от импорта, иностранных технологий и рынков), финансового суверенитета (включая деофшоризацию), информационного суверенитета, культурного суверенитета. В отличие от других стратегических документов (например, Военной доктрины, Концепции внешней политики, Стратегии экономической безопасности, Доктрины энергетической безопасности, Доктрины информационной безопасности или Основ государственной культурной политики), Стратегия национальной безопасности затрагивает и объединяет все эти области. Некоторые социологи считают Стратегию национальной безопасности 2021 г. «манифестом новой эпохи», характеризующейся глубокой конфронтацией с западным миром [Trenin].

Действительно, две последние версии документа были сформулированы в разных контекстах. *Стратегия* 2015 г. была издана в ответ на украинский кризис, внезапное ухудшение отношений с Западом, поворот на Восток и сильную нестабильность, связанную с внешним давлением и новыми санкциями. Последние годы показали, что страна способна противостоять этим вызовам, трансформируя экономические процессы, диверсифицируя внешние связи и углубляя интеграцию в рамках Большой Евразии [Lukin, Novikov, pp. 52–53]. *Стратегия* 2021 г. отразила дальнейшее ухудшение отношений с Европой и США, полностью их игнорируя. Точно так же она умалчивала о перспективах сотрудничества с НАТО, что указывало на маловероятность существенного прогресса в отношениях с Западом в ближайшие годы.

В этом отношении Стратегия национальной безопасности 2021 г. отражает скептическую позицию и недвусмысленно упоминает о враждебных действиях США, их союзников, а также транснациональных корпораций. Нелиберальная концепция документа проявляется в том, что вестернизация рассматривается в качестве угрозы для России, а современное западное понимание свободы и морали — как доказательство упадка Запада. В то же время подчеркивается значение традиционных ценностей и норм, а также религиозных основ общества [Указ Президента № 400]. Такая интерпретация соответствует подходу Владимира Путина к сегодняшнему западному либерализму. В интервью, которое он дал журналу *Financial Times* в 2019 г., президент России отверг гегемонистские амбиции либеральных элит, критикуя их за презрение к правам большинства, ослабление традиционных ценностей и подавление оппонентов и в то же время выражая уверенность в том, что христианские ценности более универсальны, чем либеральные [Путин]. Таким образом, *Стратегия* 2021 г. воплощает консервативное мировоззрение российского руководства, формулируя и формируя доминирующий, официальный дискурс, который в предстоящие месяцы и годы будет проявляться в изменении различных конкретных доктрин.

Заключение

Создание и укрепление суверенитета в различных сферах жизни государства и общества связано с целым рядом рисков, особенно с точки зрения индивидуальных прав и свобод — в их современном западном толковании. Однако доминирующая при Владимире Путине консервативная парадигма отличается умеренностью. Возможная радикализация — или, так сказать, движение по более авторитарному пути — зависит главным образом от объективного внешнего давления и субъективного ощущения угрозы. Такое сочетание рискованно, если учесть российские традиции патримониализма, сильного государства и коллективизма. Это могло бы привести к закрытию страны и изоляционизму, что рассматривалось бы странами Запада и его сателлитами в качестве угрозы, которой в настоящее время Россия *абсолютно не является*. Напротив, именно антироссийский нарратив вместе с реальными политическими шагами, направленными против России, вынуждают руководство занимать оборонительную позицию (см. Cohen, p. 167). Но она может в какой-то момент превратиться в наступательную, в ущерб всем сторонам. Ведь не стоит забывать, что защита и укрепление суверенитета — если переформулировать цитату, приведенную в начале, — это судьба России.

Литература

- Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт президента России. 20.02.2019. — URL: kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 23.10.2021).
- Путин В. Интервью газете The Financial Times // Сайт президента России. 27.06.2019. — URL: kremlin.ru/events/president/news/60836 (дата обращения: 10.11.2021).
- Россия, вперед! Статья Дмитрия Медведева // Сайт президента России. 10.09.2009. — URL: kremlin.ru/events/president/news/5413 (дата обращения: 28.10.2021).
- Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // Сайт президента России. 31.12.2015. — URL: kremlin.ru/acts/bank/40391 (дата обращения: 27.10.2021).
- Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 // Сайт президента России. 30.11.2016. — URL: kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 23.10.2021).
- Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Сайт президента России. 02.07.2021. — URL: kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 03.11.2021).
- Cohen S. F. Soviet Fates and Lost Alternatives. N.Y. 2011.
- Hann C. A Concept of Eurasia // Current Anthropology. 2016. No. 1. P. 1–27.
- Lukin A., Novikov D. Greater Eurasia: From Geopolitical Pole to International Society? // Diesen G., Lukin A. (Eds.). The Return of Eurasia. Continuity and Change. London. 2021. P. 33–78.
- Pipes R. Russia under the Old Regime. N.Y. 1974.
- Sakwa R. Sad delusions: The decline and rise of Greater Europe // Journal of Eurasian Studies. 2021. No. 12(1). P. 5–18.
- Trenin D. Russia's National Security Strategy: A Manifesto for a New Era // Carnegie Moscow Center. 06.07.2021. — URL: carnegiemoscow.org/commentary/84893 (дата обращения: 01.11.2021).
- Tsygankov A. P. The Strong State in Russia: Development and Crisis. Oxford. 2014.